

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Магомед-Эминов М.Ш.

Определение экстремальной ситуации

В статье излагается обзор подходов, теорий и дискуссионных вопросов и проблем в области изучения экстремальной ситуации. Проводится многосторонний критический анализ различных определений экстремальной ситуации. Понятие экстремальности раскрывается в связи со смысловыми концепциями травмы, стресса, утраты, транзитности. Обосновывается авторская концепция, рассматривающая проблему экстремальности в метапсихологическом и онто-темпоральном горизонтах.

Ключевые слова: экстремальность, экстремальная ситуация, стресс, психологическая травма, повседневный и неповседневный способы существования человека в мире и во времени, работа личности.

Современный мир характеризуется глобальными процессами, направленными не только на созидание, во благо человеку, но и на осуществление злокачественной деструкции – разрушений, локальных войн, массивных техногенных катастроф, что обуславливает актуальность исследования экстремальности. Чрезвычайные, экстремальные, катастрофические ситуации, являющиеся ситуациями бедствия конкретного человека, личности, а не только человеческих сообществ и человеческих индивидов, требуют своего психологического определения. Представления о проблеме экстремальности в психологии складывались на пересечении, минимум, трех источников: 1) исследований социально-психологических последствий катастрофических событий, 2) исследований в медицине и психологии травматического невроза, психической травмы, 3) исследований физиологического стресса – общего адаптационного синдрома и последовавших за этим исследований «эмоционального», психологического стресса. В психологической литературе для обозначения экстремальности в смысле факторов воздействия на организм или индивида используется очень пестрый набор терминов: стрессор [41, 42], факторы, предъявляющие индивиду требования, превышающие личностные ресурсы [36], экстремальность [28], травматический стрессор [44], экстремальный стресс [26], массивный стресс [43], бедствие [39], травматическое событие [35], травматический стресс [30, 46]. Кроме того, такие ситуации называют травматическими ситуациями [22, 31], критическими ситуациями [5], катастрофическими ситуациями [29], трудными жизненными ситуациями [2], жизненными событиями [7], жизненными ситуациями [4], напряженными ситуациями [8], необычными условиями [11],

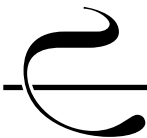
экстремальными условиями или факторами [20]. Вместо термина «экстремальная ситуация» используется также термин «чрезвычайная ситуация» [9, 23].

Категориальное поле экстремальности тематизируется событием существования личности в неповседневном способе бытия в мире [13, 19]. Речь здесь идёт не о теоретической абстракции, а о самом пространстве жизни, притом оно неспецифично по своему существу – существованию человека за пределами повседневного, обыденного, обычного жизненного мира. Вот этот момент необычности опыта, который мы интерпретируем в горизонте перехода двух модусов бытия, ясно высвечивается в рамках целого ряда исследований – стресса на войне [32], узников концлагерей [24, 27], участников войны [44], клиентов, ожидающих хирургические операции [34], стресс-синдромов у людей в разных жизненных ситуациях [33, 40] и др. Выявленная тенденция, связанная с подчеркиванием значения необычности опыта, прослеживается во многих других исследованиях, в том числе проведенных у нас в стране, например, В.И. Лебедевым [11], Л.А. Китаевым-Смыком [10] и др. Особое значение для тематизации этого неповседневного опыта, отличающегося также и от необычного опыта в техногенных реальностях, имело выделение клинической формы ПТСП – PTSD в 1980 г. [29].

В общепсихологическом подходе системообразующим для нас является понятие личности и личностного смысла экстремального события и опыта (смыслового усвоения события). Так как в настоящей работе необходимо выработать психологическое определение экстремальной ситуации, то мы будем двигаться от эмпирической трактовки к психологической и, не останавливаясь на последней, развернем метапсихологическую концептуализацию феномена экстремальности. Мы пытаемся очертить концептуальное поле понятия экстремальности, исходя не из медицинских, юридических, экономических, политических, природно-техногенных соображений, а с общепсихологической точки зрения [13, 19].

Эмпирическая трактовка экстремальной ситуации. Эмпирическое определение экстремальной ситуации основывается на трактовке экстремальности как экстраординарного инцидента, несчастного случая, бедствия, чрезвычайной ситуации и др. Событие в этом подходе явно или неявно понимается дискретно, вне континуальной темпоральности, как происшествие или случай. Экстремальная ситуация эмпирически в психологии чаще всего определяется путём приписывания к понятию «ситуация» атрибутов: катастрофическая, экстраординарная, катаклизмическая, чрезвычайная, трансординарная, в том числе, экстремальная, травматическая, выходящая за обычные пределы существования, необычная, особая, трудная и др. Определение может быть далее специфицировано указанием соответствующих ситуаций бедствий – техногенных катастроф, стихийных, природных бедствий, терроризма, войны, насилия, концлагерей и других несчастных случаев или особых условий жизни.

Подобная эмпирическая трактовка страдает крайним формализмом и построена, по сути, на факторе экстенсивности. Следуя этой линии, во всех различных перечисленных бедствиях выделяется нечто общее – чрезмерный, сверхнормативный,

чрезвычайный характер воздействия на человека. Что касается характера воздействия на индивида, то он обычно определяется в терминах силы, интенсивности воздействия и/или масштаба, вызываемого воздействием бедствия, его последствий. Определяя фактор интенсивности воздействия и реакции (последствий), пытаются, кроме того, оперировать (явно или неявно) условными понятиями «нормы» и «вненормативности». При этом предполагается, что существует некая среднестатистическая норма, соответствующая нормальной адаптированности человека к среде. Тогда воздействия, «выходящие за пределы нормативной ситуации», нарушающие нормальную адаптацию и наносящие вред индивиду, относят к экстремальным. Так как ненормативная, или вненормативная, стимуляция может быть высокой или низкой, то есть выходить за границы верхнего или нижнего порога нормального адаптивного диапазона, можно говорить о верхнеэкстремальной или нижнеэкстремальной ситуации.

Имея в виду абстрактную вненормативную ситуацию некоего усреднённого человеческого типа, нередко в литературе об экстремальности говорят в «механических» терминах как о перегрузке, сломе, проломе защитного, адаптационного барьера психики, истощении адаптационного потенциала и др. Эти представления явно или неявно заимствованы из биологии, не в последнюю очередь, из физиологической концепции стресса Селье, а также из концепции З. Фрейда о защите организма от раздражения [31]. Конечно, существуют такие условия среды, которые являются губительными для любого человеческого организма. По аналогии с этим выводом можно заключить, что существуют ситуации смысловтравматичные для большинства человеческих индивидуальностей. По мнению Р. Лифтона, подобным чисто внешним условием, травмирующим каждого человека, явились ядерные удары по Хиросиме и Нагасаки [37].

Если рассматривать экстремальную ситуацию как функцию взаимодействия факторов окружения и индивида, то в контексте стресса, по сути, речь идет о градации реакций, распределяющихся от нормальной до летальной. Изменения в организме в обозначенном интервале «норма – болезнь – смерть» могут быть разделены более подробно на основе разнообразных уточняющих терминов: предельный, чрезвычайно сильный, запредельный и др. При этом, в одном случае, диапазон может ухватить экстремальность в широком значении, в другом – к экстремальности могут относиться наиболее сильные воздействия.

Недостаток обсуждаемых подходов состоит, на наш взгляд, в том, что они не могут определить концептуальное поле неповседневного существования личности, а также очертить область проблем, возникающих при адаптивном существовании человека в необычных экологических и технических системах и особых реальностях, в том числе виртуальных реальностях и симмулятивных гипер-реальностях.

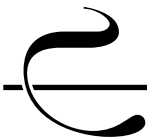
С учётом высказанных замечаний уточним эмпирическое определение как начальную стадию научно-психологического определения. Эмпирическое определение экстремальной ситуации в психологии должно учитывать: 1) событийность ситуации как происшествия, случая, инцидента; 2) жизнеопасность, заключающуюся в событии, или угрожающий характер события для человека; 3) предельные

требования, предъявляемые ситуацией к индивиду – предельность определяется, в первую очередь, фактическим смыслом ситуации для личности; фактический смысл ситуации задает горизонт формирования частных, специфических, отдельных смысловых образований личности; 4) особые потенциальные или реальные последствия для человека (и/или для его близких) – угроза, ущерб (вред), утрата (потеря), страдание, испытание, стойкость в физической, душевной, социальной, духовной, экзистенциальной сферах; 5) специфику деятельности и общения человека в ситуации (в том числе, преситуации и постситуации); 6) жизненную позицию, которую человек занимал в ситуации; 7) феномен ТЭТ (трансординарной экзистенциальной транзитности), который включает в себя синдром вхождения (вовлечение), синдром пребывания и синдром возвращения – все феномены, связанные с этими синдромами, взаимопроникают.

При неполном учёте всех приведённых признаков экстремальной ситуации мы имеем ее негативное определение – как несчастного случая или фактора, доставляющего человеку ущерб, потерю, страдание. Последствия ситуации могут быть не только негативными, дезадаптивными, но и индифферентными, то есть адаптивными, с точки зрения расстройства, более того, представляющими собой испытание стойкости, мужества, человечности и т.д. [13]. На основании сказанного мы можем подчеркнуть черты, характерные для экстремальной ситуации, но игнорируемые обычно в психологии, но не в жизни. Как неповседневная ситуация экстремальность связана непосредственно (или опосредствованно), с одной стороны, с угрозой смерти, небытия (смертоцентрирована или является D-смысловой), а с другой стороны – с фундаментальным стремлением к бытию (жизнецентрирована, является L-смысловой) [13]. Стремление к выживанию, сохранению бытия, воля к длительности являются сущностными характеристиками экстремальной ситуации как человеческой ситуации существования. Поэтому дихотомическая структура существования «бытия-небытия» и «D-смыслов и L-смыслов» является неотъемлемой характеристикой жизненной ситуации. Таким образом, если следовать широкому эмпирическому определению экстремальной ситуации жизненно-эмпирически, то она не только есть ситуация, доставляющая фундаментальную угрозу, тревогу и бедствие, но также ситуация испытания воли, стойкости, духовности, мужества, человечности. Более того, является человеческой ситуацией просветления, роста личности, трансгрессии, героизма, то есть осуществления человеком в своей жизненной ситуации собственного человеческого бытия.

Следовательно, экстремальная ситуация имеет триадическую структуру. Когда экстремальная ситуация негативна – это бедствие (страдание) человека; когда индифферентно-устойчива – это испытание человека; когда позитивна – это становление человечности, личности, воплощение бытия личности. Травма, стойкость и рост – три аспекта экстремальности, которые нужно учитывать как внутренне связанные друг с другом. Эта же триада может быть обозначена и по-другому, чтобы высветить иные грани взаимодействия: «расстройство – адаптация – рост» или «страдание – стойкость – трансгрессия».

Эмпирическое определение экстремальности, как мы его раскрыли, в определённом смысле является номотетическим (в смысле эмпирического обобщения), ибо рассматривает событие человека и ответ человека на него с точки зрения общих характеристик и закономерностей, а не идиографически как уникальное событие данного человека. Событие, которое является ответом человека на вызов судьбы, рассмотрено пока «экстремально» как случай, происшествие. Переходя к рассмотрению конкретно-психологического определения, стоит отметить, что оно приобретает большую строгость, чем эмпирическое, хотя утрачивает некоторые значения жизненной событийности – несчастья, бедствия и т.д. Поэтому в дальнейшем для большей адекватности эти определения требуется рассматривать совместно, особенно в сфере экстремальной психологии и психологической помощи.

Формально-психологическое определение. Формально-психологически экстремальная ситуация может быть определена со следующих точек зрения: 1) стимульной – как вненормативный (выше или ниже гомеостатического порога) паттерн воздействия на человека, вызывающий у него определённую реакцию, которая специфицируется в определённых «субсиндромах»; 2) реактивной – как ситуации, чреватой превращением адаптивной реакции в дезадаптивную; требование воздействия превосходит адаптивный потенциал, ресурсы или возможности индивида; 3) персоналистской – интерпретация и оценка ситуации и обращение с ней как сверхугрожающей, жизнеопасной; 4) интерактивной – экстремальная ситуация есть функция экстремальных факторов и факторов личности (индивидуальных факторов, включающих в себя личностные особенности); 5) транзактной – экстремальная ситуация понимается как ситуация взаимодействия угрожающих факторов (собственно угрозы, вреда, потери, вызова и др.) с факторами личности (оценки, переоценки, совладания и др.).

Под экстремальные попадают ситуации бедствия, чрезвычайные жизнеопасные ситуации, безотлагательно требующие своего разрешения, предотвращения бедствия, его развития или ликвидации последствий бедствия, помощи жертвам бедствия. С другой стороны, экстремальными являются ситуации, связанные с жизнедеятельностью человека в особых техногенных, экологических условиях, предъявляющих человеку чрезмерные требования, влияющие на его работоспособность и состояние здоровья. Формально-психологическое определение, так же как и эмпирическое, не позволяет разграничить экстремальность повседневную и экстремальность неповседневную.

Катастрофическая и некатастрофическая экстремальность. Несмотря на схожесть экстремальности в «катастрофической» и «некатастрофической» ситуациях, между ними имеется существенная разница: 1) катастрофу, локализованную в определенных пространственно-временных границах, люди хотят как можно быстрее устранить и нивелировать её последствия – она нежелательна и отвергается людьми; 2) к некатастрофической ситуации космического полёта, подводного плавания, полярной экспедиции, операторской деятельности на атомных станциях, авиадиспетчерской деятельности человек адаптируется, осуществляя

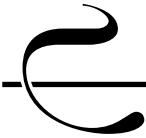
свою профессиональную деятельность – она для человека приемлема и даже желанна. Катастрофические ситуации требуют предотвращения деструкции и восстановления нанесённого ущерба (в том числе, травматизации, кризисов и т.д.). Экстремальные техногенные ситуации (особые ситуации) предполагают необходимость адаптации человека к «человеко-техническим» системам, созданным современным человеком для овладения природой.

В одном случае, человек хочет предотвратить катастрофу, экстремальность, а во втором – он осуществляет свою техническую миссию овладения природой, говоря словами Хайдеггера, из существа техники, охваченный позывом господства над силами природы [25]. Однако и технический вызов нередко оборачивается катастрофами.

Итак, сравнивая катастрофическую и некатастрофическую экстремальные ситуации, мы можем сказать, что катастрофическая экстремальная ситуация деструктивна, насильственна, жизнедистонична, нежелательна и отвергаема, ее хотят предотвратить, при возникновении как можно быстрее устранить и ликвидировать негативные последствия. В свою очередь, некатастрофическая экстремальная ситуация инструментально-конструктивна, жизнесинтонична – она создана самим человеком для овладения природой, соответствует его намерениям и желанию, приемлема для него; притом человек стремится предотвратить превращение инструментальной экстремальной ситуации в катастрофическую.

Экстремальная ситуация является не только ситуацией воздействия (стрессора) и реагирования (стресса), но и ситуацией деятельности человека, ещё шире – ситуацией человеческого существования (бытия-в-жизненном-мире). Деятельностно-онтологическое измерение экстремальной ситуации требует анализа жизненных задач, решаемых человеком в экстремальной ситуации, в деятельности, в осуществляемом способе бытия. В ситуации человек «выдаёт» не только реакции, но он осуществляет определенные акции. Поэтому ситуация – это интенциональный предмет (предметный смысл) человеческой деятельности, а не стимульный паттерн, понимаемый по типу реагирования озябшего человека в холодном помещении. Экстремальная ситуация имеет ещё одно особое измерение, упускаемое стрессово-травматической трактовкой. В экстремальной ситуации человек не только испытывает и терпит интенсивный стресс, но он вызывает о помощи, соучастии, стремится к приобщению, заботе, привязанности, а также к утверждению способности бытия собственного и Другого. Конечно, «напряжённую» смысловую работу личности нельзя отождествлять с нервно-психическим напряжением или напряжением психо-физиологических систем, ухудшающих работоспособность индивида. Смысловой кризис, смысловой конфликт, смысловая аномалия личности не есть патология, а являются проблемами человеческого существования – бытия личности в мире и времени. Поэтому даже ПТСР мы стали рассматривать как аномалию бытия, а не болезнь. Аномалия – это экстремальное функционирование нормального психического процесса человека в экстремальной ситуации.

Метапсихологическое определение экстремальной ситуации. Латинское слово *extrēmum* означает «край», «конец» и происходит от слова *extrēmus* – «крайний»,

«конечный», например, *in extrêmo libro* – в заключение книги. Если придерживаться этимологии этого слова, то «экстремальный» лучше всего соответствует значению «находиться на краю, в конце», то есть краевому эффекту, нежели значению превышения нагрузки (стимуляцией) порога, приводящего организм к перегрузке или расстройству.

Это высказывание требует своего уточнения: 1) край, конец даны в переживании человека, 2) переживание края конституируется – в этом состоит неотмеченная характеристика смысла «края» – в работе отношения человека к данному акту переживания как к чему-то близкому из дальнего горизонта собственного единственного континуального события бытия.

В экстремальной ситуации актуализируются сопряженно, коррелятивно друг другу две метапотребности: с одной стороны, сохранение бытия в ситуации угрозы небытия, с другой стороны, становление бытия вопреки угрозе небытия. Две фундаментальные мотивации, или, иными словами, заботы личности: мотивация выживания (в более широком понимании – рекурсивная мотивация) и мотивация роста (шире – трангрессивная мотивация) взаимопересекаются и взаимопереплетаются. В связи с этим, потребность в безопасности необходимо раскрыть в онтологическом горизонте перехода бытия и небытия. В этой ситуации равно актуализируется и возможность угрозы деструкции, и стремление к человеколюбию, к человечности. Экстремальная ситуация – ситуация близкого контакта человеческого и нечеловеческого, не только насилия, мученичества, но и стойкости, мужества, святости, а также солидарности, помощи. Феномен экстремальности радикально обнажает существо ситуации личности в мире и времени, которая требует не только описания и объяснения и, соответственно, переживания и понимания, но и помощи, заботы.

Три установки: переживание, понимание и забота – необходимы в равной мере для определения экстремальности, особенно в области психологии психологической помощи человеку. Значение солидарности для выживания отстаивал П.А. Кропоткин, учитывал её в своей концепции стресса под названием альтруистического эгоизма и Г. Селье [41]. Феномен помощи (поиск помощи) и оказание помощи, свойственные экстремальной ситуации, надо добавить к триадической структуре экстремальности: «угроза – испытание – рост» или «страдание – стойкость – самореализация». «Добавить» – здесь означает, рассмотреть ситуацию помощи как тот горизонт, в рамках которого наилучшим образом конкретизируются три направления проблематизации человеческого существования.

Проведенный анализ экстремальной ситуации человека подготовил почву для онтологической трактовки экстремальности. На узкопсихологическом уровне, ни с аффективной, ни с когнитивной точек зрения, ни на аффективно-когнитивном уровне без обращения к феномену личности (понятой как способ бытия личности) мы не можем полноценно ухватить экстремальную ситуацию как жизненную ситуацию человека. Так, потеря близкого человека выходит за пределы аффекта, когниций и даже переменных личности в онтологическую сферу

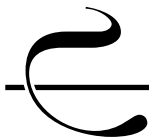
бытия личности – трагического бытия, призывающего к мужеству, решимости быть вопреки небытию.

Угрозу небытия мы назвали выше фундаментальной угрозой, имея в виду угрозу возможности невозможности [25]. С фундаментальной угрозой, с другой стороны, связана фундаментальная возможность возможности – забрасывание человека в самостановление. В онтологическом горизонте экстремальность – это забрасывание в возможность: возможность быть или не быть. Онтологически сущность всякой экстремальной ситуации заключена в феномене возможности – бытии возможности. Экстремальность определяется стремлением к возможности – возможности быть и длиться вопреки небытию. Таким образом, экстремальная ситуация, в своей сущности, онтологически – это не ситуация отсутствия чего-то, а ситуация присутствия предельного бытия личности, в том числе возможности собственной невозможности.

Даже стресс [41] можно трактовать как реакцию возможности, хотя физиологически она строится на мобилизации организма, направленной на обезвреживание опасности. Даже на уровне организма экстремальность (стрессовость) характеризует реактивность жизни – жизненность жизни (возможность жизни – стремление к возможности). Предельная возможность, которая связана с экстремальностью, двояка: она есть возможность конца и возможность начала.

Для дальнейшего продвижения проводимого нами анализа напомним, что экстремальная ситуация – это жизненная ситуация конкретного человека. Психологически, собственно, это означает, что экстремальная ситуация есть единство личности и её окружения в темпоральном горизонте – развёртывания сингулярного события жизни человека. Для того чтобы ухватить в экстремальной ситуации онтологический смысл, экстремальную ситуацию как жизненную ситуацию данного человека, необходимо ухватить его с точки зрения способа бытия личности. Мы уже предварительно охарактеризовали способ бытия личности в триаде «мученичества (страдания) – мужества (стойкости) – просветления (трансгрессии)», к которой добавили еще одну составляющую – заботу, выражающуюся в «помощи – привязанности – любви».

Экстремальная ситуация – это такая ситуация, в которой трансформируется бытие личности в жизненном мире. Повседневный модус бытия переходит в неповседневный модус бытия – и создаётся ситуация, или феномен, трансординарной экзистенциальной транзитности (ТЭТ), в которой человек оказывается в потоке экзистенциальных переходов. Неповседневный модус бытия здесь понимается как способ бытия личности в условиях вторжения небытия в бытие, смерти в жизнь. Экстремальность, таким образом, определяется, не как особое свойство, качество или интенсивность, а онтологически, как вторжение небытия в бытие и направленность бытия личности на преодоление (в трансгрессивной работе) небытия. Экстремальность как предельный феномен, феномен конца темпорален. Она открывается как возможность возможного конца, завершения, окончание времени сущего, его длительности – дления сущего. В экстремальности как транзитности

человек темпорально оказывается между концом одного существования и возможностью другого существования.

Экстремальность не только размещает время человека между временем и вечностью, т.е., открывает время в транзитной темпоральности, но очень ясно показывает феномен темпоральной работы – внутренней работы по созданию дления, длительности, времени, перехода времени, трансгрессии времени, фрагментации на многообразие времен. Время становится мультивременем и разбивается связь времен: диссоциации, фрагментации времени мы рассматриваем как суть экстремальности. В то же время темпоральность конструируется не как синтез прошлого, настоящего и будущего в единство. Единства бытия нет, есть многообразие, разнообразие времен, смысловых времен, которые связываются (в работе повторения), продолжая различаться, удерживая свое различие (разновременье). Время человека однозначно может быть определено только в темпоральной работе, которая вводит небытие в бытие, изменяет и утверждает бытие в собственном существовании.

Для онтологической конкретизации экстремального бытия личности – вторжения небытия в бытие, превращения смерти в феномен жизни – экстремальную ситуацию надо трактовать с точки зрения события. Что касается события, то в экстремальной ситуации мы имеем событие личности как «со-бытие» бытия и небытия. Именно через событие личность вовлекается, забрасывается в экстремальный жизненный мир, а мир через событие вторгается в личность, забрасывая личность в двойную возможность «бытия-небытия». Но экстремальность создаётся не только бедствием, но и стремлением человека к восхождению, к возвышенному, сакральному – экстатическому модусу бытия, самовыражению. Угроза конечности, небытия, и стремление, решимость быть (воля «длиться») – два фундаментальных аспекта экстремальной ситуации.

Соединяя вместе оба аспекта экстремальной ситуации, мы уточняем феномен переживания края, который разделяется на близкое и дальнее, предельное и за-предельное. Переживание края дифференцируется, разносится между началом, в которое превращается «безысходный конец», и дальним горизонтом собственного существования, из которого человек относится к тому, что близко, в чём он актуально пребывает и в деянии, и в страдании.

Подводя итог данного обсуждения, можно сделать следующие выводы.

Экстремальность необходимо определять не только из инстанции экстенсивности, превосходящей адаптационные ресурсы, нарушающей гомеостаз и автоматические адаптивные активности и приводящей к расстройству. Экстремальность необходимо раскрывать также из горизонта интенсивности – качественной специфики существования человека в мире. Тогда экстремальный фактор или ситуация открывается как событие существования человека в неповседневном жизненном мире.

Для того, чтобы научно адекватно ухватить понятие «экстремальная ситуация», необходимо различать событие, которое разворачивается, осуществляется, находится в становлении, еще не завершилось, еще не стало, то есть является транзитным

феноменом, и событие, которое является результатом, свершившимся случаем, происшествием, инцидентом, коллизией (дискретное событие).

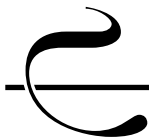
В смысловом подходе, который мы разрабатываем экстремальность интерпретируется с точки зрения экстремальной триады «восстановление – испытание – рост». Каждый стрессор – это событие, которое в своем составе содержит эти три аспекта: 1) восстановление, 2) испытание (стойкость, мужество), 3) рост (трансгрессия, сакральные переживания, развитие). Экстремальная триада имеет конструктивные и деструктивные аспекты – в негативной модели человек как бы отворачивается от испытания, роста и т.д.

Трём подходам к определению экстремальной ситуации мы дали названия: 1) «эмпирически-психологический» (или эмпирический) подход – в нем делается акцент на дискретном происшествии (даже если оно повторяется), случае и инциденте, рассматриваются особенности поведения и реакции биосоциального индивида; 2) формально-психологический (или психологический) подход, в котором подчеркиваются функции, процессы, состояния, свойства, реакции, характеризующие адаптивную активность, психическую деятельность субъекта; 3) метапсихологический (или онтологический) подход делает акцент на событии бытия личности в жизненном мире в рамках психологии человека.

Определяя экстремальность, надо различать: 1) экстремальный модус существования, или бытия человека в мире, как переход, которому соответствует особый феномен трансординарной экзистенциальной транзитности (ТЭТ), включающий в себя массивные, быстрые, внезапные изменения реальности и прочие сдвиги, перепады, перемены, даже монотония попадает в этот ряд; 2) экстремальную констелляцию бытия, представляющую собой онтологически понимаемую структуру модусов бытия личности (ЭКБ); 3) экстремальный жизненный мир и, следовательно, экстремальный и повседневный опыт, экстремальные и повседневные смыслы, а также, смысловые структуры опыта; 4) экстремальную ситуацию личности в экстремальном жизненном мире; экстремальная – это ситуация личности в мире, и поэтому в этой ситуации личность релевантна ситуации, миру (трансформация), или – нерелевантна, диахронна жизненному миру или ситуации (противо-трансформация).

Экстремальный модус бытия личности, или неповседневный модус бытия личности, мы определяем как способ бытия личности в условиях вторжения небытия в бытие.

Феномен экстремальности в полной своей конкретности ухватывается как ситуация перехода человека из повседневной реальности в неповседневную и наоборот. Всякая ситуация трансситуативна, потому что ситуация есть переход. Экстремальная ситуация онтологически есть конкретная ситуация бытия личности в жизненном мире, и поэтому она не совпадает с эмпирически трактуемыми факторами чрезвычайного внешнего воздействия. Экстремальный феномен, хотя представляет собой единство презэкстремальности, экстремальности и постэкстремальности, по своей сути, является переходным темпорально разнесённым, отсроченно-отставленным феноменом.

Литература

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – СПб.: Питер, 2001.
2. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. – 1994. – Т. 15. – № 1.
3. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие, преодоление. – М.: ПЕР СЭ, 2006, С. 12.
4. Бурлачук Л.Ф., Коржова Е.Ю. Психология жизненных ситуаций. – М.: Российское педагогическое агентство, 1998.
5. Василюк Ф.Е. Психология переживания. – М.: Изд-во Московского университета, 1984.
6. Выготский Л.С. Конкретная психология человека. Вестник Московского университета. – Серия 14. Психология. – 1986. – № 1. – С. 53-59.
7. Дикая Л.Г., Махнач А.В. Отношение человека к неблагоприятным жизненным событиям и факторы их формирования // Психологический журнал. – 1996. – Т. 17. – № 3.
8. Дьяченко М.И. и др. Готовность к деятельности в напряженных ситуациях: Психол. аспект / М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович, В.А. Пономаренко. – М.: Изд-во «Университетское», 1985.
9. Кекелидзе З.И. Введение в психиатрию чрезвычайных ситуаций // Медицинская и судебная психология. – М., 2004.
10. Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. – М.: Наука, 1983. – С. 24.
11. Лебедев В.И. Личность в экстремальных условиях. – М., 1989.
12. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения в 2-х т. – М., 1983.
13. Магомед-Эминов М.Ш. Личность и экстремальная жизненная ситуация // Вестн. МГУ. – Сер. 14. «Психология». – 1996. – № 4.
14. Магомед-Эминов М.Ш. Отчёт по НИР «Исследование человека в экстремальной стрессовой жизненной ситуации». – МГУ, факультет психологии, 1991.
15. Магомед-Эминов М.Ш. Позитивная психология человека. От психологии субъекта к психологии бытия: в 2-х т. – М.: Психоаналитическая Ассоциация Российской Федерации, 2007.
16. Магомед-Эминов М.Ш. Психология уцелевшего // Вестник МГУ. – Сер. 14. «Психология», 2005. – № 3.
17. Магомед-Эминов М.Ш. Трансформация личности. – М., 1998.
18. Магомед-Эминов М.Ш. Экстремальная психология. – М.:ПАРФ, 2006.
19. Магомед-Эминов М.Ш., Кадук Г.И., Квасова О.Г., Филатов А.Т., Новые аспекты психотерапии посттравматического стресса. – Харьков, 1990.
20. Марищук В.Л., Евдокимов В.И. Поведение и саморегуляция человека в условиях стресса. – СПб.:Издат.дом «Сентябрь», 2001.
21. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. – М.: «Наука», 1997.
22. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. – СПб.: Питер, 2001.
23. Федеральный закон N 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21 декабря 1994 г.

24. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М., 1990.
25. Хайдеггер М. Бытие и время. – М., 1997
26. Baider, L., Sarell, M. (1984). Coping with cancer among Holocaust survivors in Israel. An exploratory study//*Journal of Human Stress*, 10, 3, 121 – 127.
27. Bettelheim, B. (1960). *The Informed Heart: Autonomy in a Mass Age*, The Free Press, Glencoe, Ill.
28. Davidson, S. (1980). Human reciprocity among the Jewish prisoners in the Nazi concentration camps//*Jerusalem Yad Vashem*, 555-572.
29. *Diagnostic and Statistic Manual of Mental Disorders*. Ed. 3 (DSM-III). – American Psychiatric Association. – Washington, 1980.
30. Figley, C.R. (1986). Traumatic Stress. The Role of The Family and Social Support System//*Trauma and Its Wake*, vol. 2.//Ed. by C.R. Figley, Ph. D. – N.Y.
31. Freud S. Beyond the pleasure principle//*Standard edition*/Ed, by A.Strachey. Vol. 18. London, 1955
32. Grinker R., Spiegel P. *Men under stress*. Philadelphia, 1945
33. Horowitz M.J. *Stress response syndroms*. N.Y., 1976.
34. Janis I.L. (1958) *Psychological stress psychoanalytic and behavioral studies of surgical patients*. Wiley.
35. Krystal, H. (1968). *Massive psychic trauma*. – N.Y., International University Press.
36. Lazarus, R., Folkman, S. (1984). *Stress, appraisal and coping*. – N.Y.
37. Lifton R.J. From Hiroshima to the Nazi doctors: The evolution of psychoformative approach to understanding traumatic stress syndroms. In J.P. Wilson & B.Raphael (Eds.) *International handbook of traumatic stress syndroms* (p/11-25) N.Y. Plenum Press. 1993
38. Magomed-Eminov, M. (1997). Post-traumatic stress disorders as a loss of meaning of life//*States of mind*. D. Halpern, A. Voiskunsky. – Oxford University Press.
39. McCaughey, B.G. (1985). U.S. Coast Guard collision at sea//*Journal of Human Stress*, 11, 42-46.
40. Niderland W.G. Psychiatric disorders among persecution victims: A contribution to the understanding of concentration camp pathology and its aftereffects// *Journal of Nervous and Mental Diseases*. 1964. Vol.139. p. 458-474.
41. Selye, H.A. (1956). *The stress of life*. – N.Y.
42. Selye, H.A. (1976). *Stress in health and disease*. – Boston, London.
43. Schmolling, P. (1984). Human reactions to the Nazi concentration camps: A summing up//*Journal of Human Stress*, 10, 108-120.
44. Van der Kolk, B.A., van der Hart O., Marmar, C.R. (1996). Dissociation and information processing in Posttraumatic Stress Disorder//*Van der Kolk B.A., McFarlane, A.C., Weisaet, L. (Eds.) Traumatic stress: The effect of overwhelming experience on mind, body and society*. Guilford Press, N.Y., London.
45. Von Greyerz, W. *Psychology of survival*. – Amsterdam: Elsevier, 1962.
46. Wilson, J.P., Krauss, G. (1985). Predicting PTSD among Vietnam veterans. – In W.E. Kelly (Ed.), *Post-traumatic stress disorder and the war veteran patient*. – N.Y.: Brunner// Mazel, 102-147.